

УДК 316.4, 355.01

DOI: 10.17223/1998863X/52/16

А.Б. Рахманов

ЛОЯЛЬНОСТЬ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И ЕЕ ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ: РУССКО-ЯПОНСКАЯ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНЫ

Ставится проблема исследования лояльности вооруженных сил страны своему государству. На основе анализа эмпирического материала, касающегося боевых потерь Российской императорской армии в ходе русско-японской и Первой мировой войн, выявляется, что разные категории ее личного состава демонстрировали разный уровень лояльности по отношению к Российской империи. Эти различия были обусловлены социальным происхождением солдат и офицеров, а также спецификой рода войск.

Ключевые слова: лояльность вооруженных сил, Российская императорская армия, русско-японская война, Первая мировая война, Макс Вебер, гностицизм.

Теоретико-методологические основы исследования лояльности вооруженных сил

Выдающийся немецкий социальный теоретик Макс Вебер в своем главном труде «Хозяйство и общество», разрабатывая концепцию легитимного господства, определяет тесно связанные друг с другом понятия власти и господства следующим образом: «Власть означает всякий шанс осуществить свою волю внутри социального отношения даже и в случае сопротивления, независимо от того, на чем основан этот шанс. Господством должен называться шанс добиться повиновения приказу определенного содержания от соответствующих лиц» [1. S. 28]. Следовательно, власть и господство соотносятся друг с другом как сущность и форма ее проявления. Согласно Веберу, господство основывается на привычности, материальных интересах, аффективных и ценностно-рациональных мотивах людей, но, помимо этого, оно не может обойтись без веры в легитимность [Ibid. S. 122]. Концепция легитимного господства была выдвинута Вебером в качестве реакции на трудности, которые возникли перед классическим марксизмом при объяснении государства. К. Маркс и Ф. Энгельс систематического исследования государства не провели, и в рамках материалистического понимания истории, включавшего в себя и концепцию классов и классовой борьбы, оставалось невыясненным то, почему представители эксплуатируемых и угнетенных классов повинуются и проявляют лояльность к соответствующим общественным порядкам, даже если они непосредственно не сталкиваются с угрозой государственного насилия.

С точки зрения лояльности по отношению к государству и стоящему за ним общественному строю людей со времени появления первых сословно-классовых общества следовало бы разделить на три основные категории лиц. Это, во-первых, те, кто полностью или в основном поддерживает существующие властные порядки, во-вторых, люди, частично поддерживающие их и

одновременно частично недовольные ими, в-третьих, лица, полностью или в основном отвергающие их. Назовем условно первых абсолютными лоялистами, вторых – умеренными лоялистами, а третьих – бунтарями, помня о том, что бунт может принимать активную и пассивную формы.

К первой категории относились представители имущих и привилегированных социальных групп (классов, сословий и т.д.), а также выходцы из иных слоев общества, которые были лояльны по отношению к существующим властным порядкам в силу традиционных, харизматических или легальных оснований. К третьей категории относились представители неимущих (малоимущих) и непривилегированных (низкопривилегированных) социальных групп (главным образом), а также выходцы из имущих и привилегированных групп, которые ставили под сомнение легитимность власти. Низкий имущественный статус и непривилегированность индивидов проявлялись в ограничении возможности распоряжаться собственностью и участвовать в управлении государством или же в отсутствии подобных возможностей. В этом случае люди воспринимали государство как чуждое, враждебное, а себя – как пребывающих в состоянии отчуждения. Представители второй категории занимали промежуточное положение, им были присущи частичное приятие и частичное неприятие властных порядков. Ярким примером умеренных лоялистов могут послужить плебеи Римской республики в период до III века до н.э., борьба которых за равноправие с патрициями доходила до угроз саботажа военной службы в случае отказа в удовлетворении их чаяний и сохранения их непривилегированного положения.

Предлагаемое выделение категорий граждан восходит к типологии личностей гностика Валентина (II в.н.э.), который подразделял людей на пневматиков (духовных людей), психиков (душевных людей) и гиликов, или соматиков (плотских людей). Русский исследователь гностицизма М.Э. Поснов писал: «На человека гностики смотрели, как на микрокосм, состоящий из духа, души и тела; в них отражались три принципа универса – бог, демиург и материя, но в различной степени. Вследствие этого они делили людей на три класса – пневматиков, в которых имел перевес божественный дух из идеального мира, психиков, у которых имело место смешение духовного начала жизни с материей, и соматиков, или гиликов, в которых господствовало материальное начало» [2. С. 544–545]. Согласно Клименту Александрийскому, с точки зрения Валентина и его последователей, большинство людей материальны, немногие душевны, избранные – духовны. Их ждут разные перспективы: «При этом духовные люди спасены по своей природе, душевные имеют право свободного выбора и могут достигнуть веры и бессмертия, могут же выбрать неверие и гибель. Материальные люди гибнут в силу своей природы» [3. С. 208]. Эта концепция мистична, но, как и любое мистическое построение, она содержит в себе весомые рациональные зерна. Те, кого Валентин называл пневматиками, – это личности, которые полностью отвергают существующие порядки и господствующие ценности, будучи ориентированными на небесно-божественную альтернативу, соматиками же – это те, кто полностью принимает эти порядки и ценности, будучи всецело удовлетворен теми плотскими благами, привилегиями и щедротами, которые несет им данный миропорядок, психики занимают промежуточное положение. Пневмати-

ки, на мой взгляд, соответствуют бунтарям, психики – умеренным лоялистам, соматики – абсолютным лоялистам¹.

Можно ли точно измерить степень лояльности граждан власти, государству? В условиях нормального и стабильного функционирования демократических процедур степень лояльности людей по отношению к государству регулярно выявляется на выборах разного рода, равно как и на референдумах. О степени лояльности граждан того или иного государства мы в этом случае можем судить на основании данных, во-первых, о степени участия в выборах (явка), во-вторых, о степени поддержки кандидатов на выборные должности. Но этот способ неприменим или малоприменим к недемократическим и псевдodemократическим государствам.

Если выборы дают возможность выяснить лояльность населения в демократических государствах, то войны позволяют определить лояльность личного состава армий и опосредствованным образом, в особенности если речь идет о массовых призывных армиях, – и всего населения. Важным способом, позволяющим выяснить степень лояльности граждан государства любого типа, является исследование их поведения во время войны, а именно их участия в боевых действиях. По деятельности солдат и офицеров в условиях войны мы можем судить об их поддержке государства, а следовательно, и о поддержке государства населением.

На войнах люди, жертвуя жизнью и здоровьем при выполнении приказов командования или же отказываясь от подобных жертв, довольно определенно выражают свою поддержку политики государства или же ее неприятие. Война выступает как голосование оружием, как плебисцит на крови. Высокий уровень лояльности личного состава вооруженных сил по отношению к государству обуславливает их поддержку целей и средств ведущейся войны. Она проявляется в таких качествах войск, как героизм, стойкость, мужество, решительность, натиск, жертвенность, дисциплина, квалифицированное, талантливое и инициативное ведение боевых действий со всем комплексом интеллектуальных характеристик субъекта войны – изобретательностью, находчивостью, смекалкой и т.д. Напротив, низкий уровень лояльности государству приводит к саботажу личным составом воюющих армий активного участия в боевых действиях, что с точки зрения командования и властей воспринимается как малодушие, трусость, нестойкость, неорганизованность, недисциплинированность, неповиновение, уклонение от воинского долга, неэффективное, неумелое, неэффективное ведение военных действий и т.п.

Высокая или низкая степень лояльности по отношению к собственному государству отражается в практике военного дела и в военной мысли как высокий или низкий боевой дух войск. Классики военной мысли издавна подчеркивали значение морального фактора. Первый военный теоретик в истории человечества древнекитайский мыслитель Сунь-Цзы утверждал: «Первое – Путь, второе – Небо, третье – Земля, четвертое – Полководец, пятое – Закон. Путь – это когда достигают того, что мысли народа одинаковы с мыс-

¹ Выделенные Р. Мертоном пять форм приспособления личности к существующей социальной структуре и ценностям (конформность, инновация, ритуализм, бегство и мятеж) [4. С. 255], на мой взгляд, восходят к типологии Валентина. Конформность соответствует поведению соматиков, мятеж – пневматиков, а остальные формы являются модификациями поведения психиков. Валентин, при всей мистичности и эзотеричности его подхода, на мой взгляд, был более глубок, чем Р. Мертон.

лями правителя, когда народ готов вместе с ним умереть, готов вместе с ним жить, когда он не знает ни страха, ни сомнений» [5. С. 36]. К. Клаузевиц подчеркивал значимость моральных факторов на войне: «Можно было бы сказать: физические явления подобны деревянной рукоятке, в то время как моральные представляют подлинный отточенный клинок, выкованный из благородного металла» [6. С. 200]. При этом он замечал: «К сожалению, моральные силы неуловимы для книжной мудрости, ибо их нельзя подвести ни под числа, ни под разряды; их можно лишь наблюдать и чувствовать» [Там же. С. 199]. В настоящей статье я попытаюсь оспорить эту мысль Клаузевица, показав, что возможны точные, конкретные замеры морального фактора, т.е. степени лояльности армий (и стоящих за ними народов) в условиях войны. Более того, в недемократических государствах они только в условиях войны и возможны.

Соотношение указанных выше категорий лиц в рядах вооруженных сил в условиях войны, на мой взгляд, может быть вычислено благодаря статистике военных потерь, а именно на основе данных о соотношении убитых (и умерших от ран), раненых и пленных. Надлежит исходить из следующего: то, что солдат или офицер был убит на войне, в среднем и типическом случае означало поддержку им целей войны, а следовательно, и политики соответствующего государства (и стоящего за ним общественного строя); в противном случае не было бы жертвы жизнью. То, что солдат или офицер оказывался в плену, в среднем и типическом случае означало нежелание жертвовать жизнью на поле боя, а значит, неприятие целей войны и, следовательно, низкую или отрицательную степень лояльности по отношению к государству, ведущему эту войну. Раненые солдаты и офицеры в этом отношении занимали промежуточное положение.

Безусловно, далеко не всякий погибший на войне военнослужащий был последовательным сторонником государства, пославшего его на войну, а далеко не всякий попавший в плен – его противником, но несомненным и решающим для нашего исследования является то, что численность лиц в рядах вооруженных сил, характеризовавшихся высокой степенью лояльности государству, была прямо пропорциональной количеству погибших, а численность лиц с низким или отрицательным уровнем лояльности – количеству пленных. Следовательно, чем больше убитых по отношению и к раненым, и к пленным и чем больше раненых по отношению к пленным, тем выше поддержка государства личным составом армии. И напротив: чем больше пленных по отношению и к убитым, и к раненым, тем ниже поддержка государства в рядах вооруженных сил. Победа или поражение, а также соотношение потерь рассматриваемой армии и потерь армии противника говорят об уровне развития военного дела в данной стране, а также о ее ресурсах. В отличие от этого соотношение количества убитых (и умерших от ран), раненых и пленных соответствует соотношению абсолютных лоялистов, умеренных лоялистов и бунтарей в рядах воюющей армии и свидетельствует о лояльности личного состава армии государству и общественному строю.

В отечественной литературе были рассмотрены разные факторы лояльности личного состава вооруженных сил. Выпуски «Военно-статистического ежегодника армии» за 1910–1912 гг. [7–9], издававшегося Главным штабом военного министерства Российской империи и являющегося самым полным

статистическим исследованием Российской императорской армии (РИА) начала XX в., содержат в себе эмпирические данные, позволяющие судить о социальной напряженности в рядах РИА, которая и обуславливала разную степень лояльности различных категорий военнотружущих к Российской империи.

Труды дореволюционных русских исследователей армии П.А. Режепо [10–12] и К.М. Оберучева [13, 14], а также мемуары А.И. Деникина [15] показывают скрытое напряжение внутри офицерского корпуса РИА, обусловленное тем, что офицеры, происходившие из разных сословий и обладавшие разным образованием, имели разные шансы карьерного восхождения, а их служба протекала в разных условиях. К.М. Оберучев рассматривал распространение революционных идей среди офицеров РИА, начиная с восстания декабристов [16].

Советские психотехники И.Н. Шпильрейн, Д.И. Рейтынбарг и Г.О. Нецкий в 1920-е гг. исследовали язык красноармейцев, что позволяло делать выводы об образовании, политической грамотности и уровне развития бойцов Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). При этом выделялись различия родов войск [17]. Фундаментальный труд советского историка П.А. Зайончковского отразил сословные, имущественные и образовательные различия внутри офицерского корпуса РИА рубежа XIX и XX вв. [18]. Современный российский исследователь С.М. Диривянкин рассмотрел боевой дух офицеров РИА начала XX в. [19]. Менталитет солдат и офицеров РИА в условиях русско-японской и Первой мировой войн был проанализирован рядом современных российских авторов, принявших участие в издании двух коллективных трудов по военной антропологии [20, 21].

Однако непосредственным предтечей настоящего исследования являются произведения русского ученого-эмигранта, одного из создателей социологии войны генерал-лейтенанта Н.Н. Головина. В работах «Наука о войне» (1938) и «Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы. Общие основания» (1939) [22] ученый анализировал боевой дух армии и его предпосылки. Еще большее значение для нас имеет труд Н.Н. Головина «Военные усилия России в мировой войне» (1939), в котором он на основании данных о соотношении разных типов потерь РИА в ходе Первой мировой войны выявил различия в боевой активности, во-первых, офицеров и солдат, во-вторых, разных родов войск и, в третьих, различных социальных групп Российской империи. Он, избрав в качестве показателя соотношение «кровавых потерь» (убитых и раненых) и пленных, пришел к выводу о том, что «офицерский состав сражается доблестнее, нежели солдатская масса» [Там же. С. 531]. При этом меньше всего пленных было в гвардии и у казаков, больше всего – в артиллерии и пехоте [Там же. С. 534–536]. Кроме того, русский ученый выявил различия поведения войск в зависимости от территориального происхождения офицеров и солдат: выходцы из южных губерний проявили большую доблесть, чем уроженцы северных губерний России [Там же. С. 536–538]. Н.Н. Головин отмечал и различия по этническому признаку: «Лучше всего дерутся русские народности» [Там же. С. 538]. Он отмечал, что наибольшая стойкость (в порядке убывания) характерна для казаков, малороссов, великороссов и белорусов. Им уступали «инородческие массы из губерний Таврической, Астраханской, Симбирской, Самарской, Казанской и

Уфимской» [22. С. 538], но хуже всего воевали выходцы из польских губерний Российской империи. Ученый подчеркнул, что он не предлагает объяснения различий в доблести разных групп населения. Одним из немногих отступлений ученого от этого принципа каузального эпохэ было то, что, с его точки зрения, «плохую стойкость» контингентов Московской губернии следует объяснить высокой концентрацией на этой территории фабричных рабочих, среди которых были весьма распространены критические настроения по отношению к властям.

Для целей нашего исследования введем индикатор лояльности вооруженных сил (войск), который учитывал бы все типы военных потерь (убитых и умерших от ран, раненых и плененных). Этот индикатор, на мой взгляд, должен вычисляться по формуле: $L = (X + Y)/(Y + Z)$, где X – численность убитых и умерших от ран, Y – раненых, Z – плененных. Численность раненых присутствует и в числителе, и в знаменателе ввиду того, что эта категория потерь выступает как промежуточная между двумя другими типами потерь, как величина, опосредствующая и стабилизирующая их.

Следует сделать важную оговорку: предлагаемый способ вычисления лояльности вооруженных сил применим в данном виде только к войнам эпохи конца XIX и начала XX в. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, для более ранних эпох отсутствует полная и надежная статистика военных потерь, с другой – тем, что войны середины XX в. и более позднего времени благодаря массированному применению танков, моторизованных соединений и авиации превратились в высококомобильные войны индустриальных армий. Последнее означает, что само по себе пленение солдата или офицера могло быть объяснено не только его низким уровнем лояльности по отношению к пославшему его на войну государству, но и тем, что вследствие фланговых прорывов войск противника и нарушения коммуникаций продолжение сопротивления оказывалось невозможным и бессмысленным в силу отсутствия боеприпасов, продовольствия и т.д. Поэтому вполне закономерно мы с целью изучения проявления лояльности или нелояльности обращаемся к наиболее крупным войнам конца XIX и начала XX в., наиболее примечательными из которых были русско-японская война 1904–1905 гг. и Первая мировая война. Для Второй мировой войны и последующих войн предлагаемая методика исследования лояльности армии должна быть модифицирована, а рассмотрение того, как именно это должно быть сделано, выходит за пределы предмета настоящей статьи.

Лояльность вооруженных сил Российской империи в период русско-японской войны

Исходя из сказанного, исследуем лояльность вооруженных сил Российской империи в период русско-японской войны 1904–1905 гг. Для этого мы используем данные двух статистических исследований о боевых потерях российских войск. Первое из них выполнено современными российскими авторами под руководством Г.Ф. Кривошеева и касается армии и флота в целом [23. С. 58–59], второе – под руководством русского врача Н.И. Козловского и затрагивает только РИА [17; 24. С. 15]. Сведем соответствующие данные в таблицу и подсчитаем значения индикатора лояльности войск Российской империи (табл. 1).

Таблица 1. Структура боевых потерь и индикатор лояльности вооруженных сил Российской империи во время русско-японской войны 1904–1905 гг.*

Потери войск Российской империи	Убитых и умерших от ранений, тыс. чел.	Раненых и контуженных, тыс. чел.	Пленных, тыс. чел.	Индикатор лояльности
По Г.Ф. Кривошееву	39,518	158,6	74,369	0,85
По Н.И. Козловскому	30,833	140,53**	59,218	0,86

* Не учтены умершие от болезней.

** Не учтены умершие от ран.

Примечательно, что анализ эмпирических данных, касающихся двух несовпадающих предметов и полученных из двух разных источников, дает очень близкие значения индикатора лояльности, что, вероятнее всего, свидетельствует о том, что мы правильно определили уровень лояльности вооруженных сил России в ходе русско-японской войны.

Для вычисления индикатора лояльности противника мы не располагаем данными о численности японских солдат и офицеров, попавших в российский плен, но существует косвенный способ получить представление о ней, сопоставив ее с аналогичным показателем вооруженных сил России. Речь идет о таком показателе, как количество погибших и умерших на 1 000 человек личного состава армии, принимавших участие в боевых действиях. Этот показатель является действенным только тогда, когда мы сравниваем две армии в одной и той же войне – победившую, но понесшую большие потери, и побежденную, но понесшую меньшие потери. И это как раз случай рассматриваемой нами русско-японской войны: Япония одержала победу, но понесла большие потери убитыми и умершими, тогда как Россия потерпела поражение, но потеряла меньше убитыми и умершими. Если победившая армия понесла большие потери, чем побежденная, то можно уверенно утверждать, что первая обладала большей стойкостью, большей волей к победе, а значит, и лояльностью по отношению к своему государству. Если армия победила, но понесла меньшие потери, то это еще не говорит о лояльности войск, поскольку может быть объяснено лучшими вооружениями и большим уровнем ее военного искусства. Для японской армии данный показатель был равен 132,3, для РИА – 60,99¹, что и говорит о том, что японская армия в ходе войны продемонстрировала больший уровень лояльности, чем РИА. Солдаты и офицеры РИА в меньшей степени горели желанием умирать за династию Романовых, чем японские солдаты и офицеры – за микадо, что и внесло свой ощутимый вклад в поражение РИА. Японские солдаты и офицеры в большей степени проявляли стойкость, упорство и мужество, чем солдаты и офицеры РИА. Это означает, что первые поддерживали японское государство (и общественный строй) Японии в заметно большей степени, чем солдаты и офицеры РИА – Российскую империю. Это подтвердилось и последующими событиями революции 1905–1907 гг. в России, в первую очередь революционным брожением в вооруженных силах и, в частности, восстанием на броненосце «Потемкин», тогда как в Японии подобных актов неповиновения не было.

Относительно невысокий боевой дух войск России накануне вступления в русско-японскую войну подтверждает А.И. Деникин, который писал: «По совокупности всех изложенных обстоятельств, война не могла быть популярна в русском обществе и в народе. И не только потому, что все сложные пе-

¹ Подсчет автора по: [25. С. 250].

рипетии, предшествовавшие ей, держались в тайне, но и потому еще, что сама русская общественность, научные круги и печать очень мало интересовались Дальним Востоком... В конце концов народ собирался спокойно на призывные пункты, и мобилизация проходила в порядке. И армия пошла на войну без всякого подъема, исполняя только свой долг»¹ [26. С. 94–95]. Отсутствие «подъема», т.е. боевого духа, и было обусловлено относительно невысоким уровнем лояльности личного состава вооруженных сил Российской империи. Вышесказанное позволяет дополнить и скорректировать распространенное в исторической литературе объяснение поражения России в русско-японской войне. Причины неудачи Российской империи обычно видят в отдаленности театра военных действий, низком уровне развития железнодорожного транспорта, превосходстве японских вооружений, бездарности российского командования и т.д. Все эти факторы, безусловно, сыграли свою роль, но большое значение имело и то, что вооруженные силы Российской империи уступали войскам Японии своим боевым духом и стоявшим за ним уровнем лояльности.

Рассмотрим проявление лояльности РИА во время русско-японской войны более детально и конкретно, а именно то, как она распределялась среди нижних чинов и офицеров разных родов войск – пехоты, кавалерии, артиллерии, инженерных войск и пограничной стражи. Представим данные о структуре потерь и индикаторе лояльности нижних чинов и офицеров названных родов войск (табл. 2).

Таблица 2. Структура военных потерь и индикатор лояльности РИА во время русско-японской войны 1904–1905 гг.*

Род войск	Категория личного состава	Убитых и умерших от ранений	Раненых	Пленных	Индикатор лояльности	Разность индикаторов лояльности офицеров и нижних чинов
Офицеры всех родов войск		841	4 228	975	0,97	0,14
Нижние чины всех родов войск		24 003	142 291	58 243	0,83	
Пехота	Офицеры	740	3 480	772	0,99	0,13
	Нижние чины	22 591	133 322	48 420	0,86	
Кавалерия	Офицеры	30	209	27	1,01	–0,07
	Нижние чины	515	2 794	270	1,08	
Артиллерия	Офицеры	44	476	106	0,89	0,37
	Нижние чины	681	5 183	6 186	0,52	
Инженерные войска	Офицеры	6	26	3	1,10	0,73
	Нижние чины	58	444	925	0,37	
Пограничная стража	Офицеры	11	17	4	1,33	0,7
	Нижние чины	125	386	428	0,63	

* Составлено и подсчитано автором по: [24. С. 15, 17].

¹ Похожие оценки отношения российского общества к русско-японской войне давали многие авторы. В 1920-х гг. известный русский историк военного искусства А.А. Свечин характеризовал ситуацию накануне войны: «Предстоящее столкновение с Японией являлось тем более опасным, что политически к этому не были подготовлены не только широкие русские народные массы, не только русская буржуазия, долженствовавшая, казалось бы, откликнуться на династическую попытку к экспансии, но и государственный аппарат – министерства финансов, путей сообщения и прежде всего военное министерство» [27. С. 692]. Н.Н. Головин в 1939 г. писал о том, что идея войны с Японией не была поддержана русским национальным самосознанием, тогда как японский народ к войне с Россией отнесся совсем по-другому: «Японский народ во всем своем составе, от первого ученого до последнего рабочего, был проникнут идеей необходимости войны с Россией» [22. С. 842].

Как показывает табл. 2, лояльность офицеров РИА вполне ожидаемо была более высокой, чем лояльность нижних чинов. Наиболее лояльными оказались офицеры пограничной стражи и инженерных войск. Офицеры кавалерии и пехоты немного отставали от них в этом, а артиллерийские офицеры оказались наименее лояльными. Среди нижних чинов наибольшую верно-подданность проявили кавалеристы, причем в кавалерии нижние чины оказались даже более лояльными, чем офицеры. Нижние чины пехоты заметно уступали им. Наименьший уровень лояльности обнаружили нижние чины инженерных войск, артиллерии и пограничной стражи.

Важным показателем является разность значений индикатора лояльности по офицерам и нижним чинам. Наибольшие различия лояльности существовали между командным составом и нижними чинами в инженерных войсках и пограничной страже, заметными они были и в артиллерии. Это означает, что в подразделениях этих родов войск в отношениях между офицерами и нижними чинами существовали предпосылки для конфликтов. В то же время в пехоте и кавалерии наблюдается значительный уровень солидарности офицеров и нижних чинов по отношению к целям войны, а значит, и по отношению к Российской империи.

О разном уровне лояльности офицеров и нижних чинов свидетельствует и характер их ранений. Врач Н.И. Козловский, анализируя данные, касающиеся 4 445 офицеров и 147 499 нижних чинов, классифицирует их в соответствии с местом ранения (в череп, лицо и шею, грудь и спину, живот и таз, верхние и нижние конечности) и причиной ранения (огнестрельное или холодное оружие). Подразделим ранения на ранения в область жизненно важных органов (в череп, лицо и шею, грудь и спину, живот и таз) и ранения в область конечностей и проанализируем то, как распределяются эти виды ранений среди офицеров и нижних чинов по обоим типам причин ранений (табл. 3).

*Таблица 3. Распределение областей ранений офицеров и нижних чинов в зависимости от типа оружия, причинившего ранение**

Тип оружия	Области ранения	Офицеры	Нижние чины
Огнестрельное оружие	Жизненно важные органы	42,4	38,5
	Конечности	57,6	62,5
Холодное оружие	Жизненно важные органы	56,0	36,4
	Конечности	44,0	63,6

* Подсчет автора по: [24. С. 18].

Офицеры получили в относительных величинах несколько большее количество ранений в область жизненно важных органов, вызванных огнестрельным оружием, чем нижние чины, что, безусловно, свидетельствует о более активном вовлечении офицеров в боевые действия, т.е. о том, что они в большей степени находились на линии огня. Это говорит о более высоком боевом духе и, следовательно, о большем уровне лояльности у них. Очень значительно офицеры превосходили нижних чинов по доле ранений в области жизненно важных органов, обусловленных воздействием холодного оружия. Подобные ранения были получены в ближнем бою, в условиях непосредственного физического контакта с неприятелем, что обнаруживает намного более высокую степень осознанного активного вовлечения в воен-

ные действия, т.е. значительно более высокий боевой дух и, следовательно, более высокий уровень лояльности. В отличие от этого ранения, причиненные огнестрельным оружием, т.е. полученные на большем или меньшем удалении от противника, допускают заметный элемент случайности и могут быть сопряжены лишь с пассивным участием в сражениях.

Большой интерес предоставляют и данные об областях ранений офицеров и нижних чинов в зависимости от типа огнестрельного оружия, т.е. от того, причинены ли они ружейным или артиллерийским огнем. Осуществив их группировку на основе данных Н.Н. Козловского, получим следующую картину (табл. 4).

*Таблица 4. Распределение областей ранений офицеров и нижних чинов в зависимости от типа огнестрельного оружия, причинившего ранение**

Причина огнестрельного ранения	Области ранения	Офицеры	Нижние чины
Ружейный огонь	Жизненно важные органы	29,9	29,7
	Конечности	70,1	70,3
Артиллерийский огонь	Жизненно важные органы	57,7	32,3
	Конечности	42,3	67,7

* Подсчет автора по: [24. С. 19].

Распределение мест ранений, полученных благодаря воздействию ружейного огня, среди офицеров и нижних чинов практически совпадает. А вот в том, что касается ранений в область жизненно важных органов, обусловленных воздействием артиллерийского огня, то обнаруживается, что офицеры получали такие ранения значительно чаще, чем нижние чины. Это, на мой взгляд, также свидетельствует о более высоком боевом духе и, следовательно, о более высоком уровне лояльности, офицеров поскольку подобные ранения означают более активное осознанное вовлечение в боевые действия, а следовательно, и более высокий уровень лояльности: офицеры в большей степени, чем нижние чины, были нацелены на боевую активность, поскольку в меньшей степени стремились скрыться от артиллерийского огня противника, т.е. были в меньшей степени склонны приносить выполнение обязанностей в боевых условиях в жертву личной безопасности.

Лояльность вооруженных сил Российской империи в годы Первой мировой войны

Рассмотрим значения индикатора лояльности войск армии Российской империи в годы Первой мировой войны, опираясь на два статистических труда – во-первых, на исследование, осуществленное под руководством Г.Ф. Кривошеева, во-вторых, на работу Н.Н. Головина (табл. 5).

*Таблица 5. Структура боевых потерь и индикатор лояльности вооруженных сил России в годы Первой мировой войны**

Источник сведений	Демографические потери (убитые и умершие от ран и болезней), тыс. человек	Санитарные потери (раненые и контуженные), тыс. человек	Попавшие в плен, тыс. человек	Индикатор лояльности армии
По Г.Ф. Кривошееву	2 254,4	3 749,0	3 343,9	0,85
По Н.Н. Головину	1 650	3 850	2 417	0,88

* Подсчет автора по: [22. С. 521; 23. С. 106].

Результаты, полученные на основе анализа двух рядов эмпирических данных, оказались очень близкими друг к другу, что говорит о том, что мы с достаточным уровнем адекватности отразили закономерность поведения войск Российской империи в ходе Первой мировой войны.

Сравнение табл. 1 и 5 показывает, что лояльность вооруженных сил Российской империи в годы Первой мировой войны по сравнению с русско-японской войной не изменилась. Однако, если совместно с пленными учесть и дезертиров, что было бы вполне логично, ведь массовое дезертирство означает явное неприятие целей войны, в первую очередь нижними чинами – 1,865 млн человек [23. С. 102], то значение индикатора лояльности вооруженных сил России упадет до 0,67. Дезертиров из РИА в 1904–1905 гг. было крайне немного, что обусловило отсутствие соответствующей категории учета потерь, тогда как в годы Первой мировой войны дезертирство стало массовым явлением. Следовательно, мы должны констатировать резкое падение лояльности вооруженных сил Российской империи от русско-японской к Первой мировой войне, что было симптомом нарастания глубокого кризиса общественного строя и государства.

Обозначенные тенденции хорошо иллюстрируют воспоминания бывшего офицера гвардейского Семеновского полка Ю.В. Макарова, который критически описывал организацию военного дела и боевые практики РИА в период Первой мировой войны: «В старой царской армии на войне порядка было немного. Дисциплина была слабая. И солдаты, и в особенности офицеры проделывали безнаказанно иногда такие вещи, за которые в других европейских армиях полагался военный суд и почти неизбежный расстрел.

Но зато, конечно, ни в какой армии не ценили человеческую жизнь так дешево, как ее ценили у нас. Недостаток технических средств и общую неслаженность сплошь и рядом заменяли „живой силой“, благо считалось, что этой „живой силы“, „серой“ драгомировской „скотинки“ у нас не занимать стать. Военная наука искони учила покупать военные успехи возможно „малой кровью“. У нас зачастую великою кровью не покупали ровно ничего. Приказывали атаковать. И люди подымались, и шли, и валились, и гибли сотнями, и не только без всякого успеха, но и без всякой надежды на успех» [28. С. 284]. Невысокая эффективность управления и организации военного дела в РИА в период Первой мировой войны, приводившая к излишним потерям, в конечном итоге приводила к дискредитации командования в глазах и офицеров, и нижних чинов и, следовательно, к падению уровня лояльности личного состава.

Мы не располагаем надежными данными о структуре боевых потерь во время Первой мировой войны среди нижних чинов РИА – наличная информация о пленных и пропавших без вести не является дифференцированной. Но мы располагаем детальными данными о потерях офицерского корпуса, содержащимися в статистическом исследовании «Россия в мировой войне 1914–1918 года» [29]¹, что позволяет нам рассчитать лояльность этого корпуса в целом и офицеров основных родов войск РИА (табл. 6). Рода войск ранжированы по значению индикатора лояльности их офицеров (по убыванию).

¹ Данное исследование не полностью охватывает потери, понесенные РИА в годы Первой мировой войны, но оно адекватно воспроизводит структуру потерь, что отвечает задачам нашего исследования.

Таблица 6. Структура боевых потерь и индикатор лояльности офицеров различных родов войск РИА в Первую мировую войну*

Род войск	Убитые, умершие от ран и отравления газами, человек	Раненые и контуженные, человек	Пленные, человек	Индикатор лояльности
Казачьи войска	517	1 710	102	1,23
Пограничная стража	395	1 308	76	1,23
Кавалерия	393	1 601	101	1,17
Пехота	13 822	43 573	10 777	1,06
Инженерные войска	87	363	74	1,03
Артиллерия	474	2 304	651	0,94
Все рода войск	15 971	52 471	13 226	1,04

* Подсчет автора по: [29. С. 35]. В числе убитых и умерших от ран не учтены умершие в плену.

Как видим, наибольшая лояльность была характерна для казачьих офицеров, офицеров кавалерии и пограничной стражи России. Их уровень лояльности был близок уровню лояльности армий Франции, Германии и Великобритании. Офицеры пехоты, инженерных войск и особенно артиллерии РИА обнаружили заметно меньшую лояльность. Офицеры-артиллеристы по уровню лояльности были заметно ближе к уровню РИА в целом, а значит, и уровню лояльности нижних чинов, чем офицерского корпуса казачьих и пограничных войск, а также кавалерии.

Как явствует из полученных результатов, лояльность офицерского корпуса РИА в период Первой мировой войны превысила уровень его лояльности периода русско-японской войны. По всей вероятности, это следует объяснить тем, что Первая мировая война, которую Российская империя в значительной мере вела на своей территории и в условиях угрозы ее жизненно важным центрам, воспринималась офицерским корпусом РИА как более важная и актуальная, более освященная патриотизмом, нежели русско-японская война, которая велась на далекой периферии Российской империи и воспринималась как колониальная война. Свою роль, надо полагать, сыграла и официальная пропаганда, стремившаяся представить Первую мировую войну как новую Отечественную войну. Русско-японскую войну было бы затруднительным представить в этом качестве.

На основе изучения лояльности солдат и офицеров РИА во время русско-японской и Первой мировой войн следует сделать два вывода. Во-первых, солдаты на обеих войнах отличались меньшей лояльностью, чем офицеры. Исключением являются рядовые казаки во время русско-японской войны, которые по этому показателю даже превосходили своих офицеров, весьма лояльных Российской империи. Во-вторых, офицеры и солдаты разных родов войск обнаружили разную лояльность. Среди офицеров наибольшая лояльность была присуща казакам, инженерам, кавалерии и пограничникам. В гораздо меньшей степени она характеризовала командный состав пехоты и артиллерии. Среди рядовых наибольшая лояльность была свойственна нижним чинам казачьих войск. Им заметно уступал солдатский состав пограничных войск, кавалерии и инженерных войск, а наименьшая лояльность отличала нижних чинов пехоты и артиллерии. Рядовые казаки и нижние чины пехоты и артиллерии воплотили собой противоположные полюса лояльности Российской империи.

К объяснению различия лояльности личного состава РИА

Мы выяснили, что существуют различия лояльности: 1) между офицерским корпусом и нижними чинами РИА (офицеры более лояльны, чем нижние чины); 2) между родами войск (например, офицеры-кавалеристы более лояльны, чем офицеры-артиллеристы, а нижние чины кавалерии более лояльны, чем нижние чины инженерных войск и артиллерии). Как объяснить эти различия?

Безусловно, высокие значения индикатора лояльности офицерского корпуса, т.е. большее количество убитых по сравнению с пленными, можно объяснить тем, что офицеры находились во главе боевых порядков, т.е. на линии вражеского огня, и противник стремился поражать их в первую очередь, используя их внешнюю приметность (погоны и т.д.). Но этот тип поведения, заключающийся в активном и сознательном участии в военных действиях, собственно, и означает высокий уровень лояльности офицерского корпуса, что и нуждается в объяснении. На мой взгляд, существовало две детерминанты лояльности личного состава РИА в условиях обеих войн. Первой детерминантой было социальное происхождение офицеров и солдат, второй детерминантой служила специфика рода войск, т.е. военной специальности офицеров и солдат.

Для того чтобы рассмотреть первую детерминанту, уточним сословную структуру офицерского корпуса РИА, опираясь на данные «Военно-статистического ежегодника армии за 1912 год» (табл. 7).

Таблица 7. Сословная структура офицерского корпуса РИА в 1912 г., %

Род войск	Потомственные дворяне	Потомственные почетные граждане	Духовного звания	Купеческого звания	Бывших податных сословий
Пехота	43,25	14,56	4,72	3,72	33,76
Кавалерия	77,23	10,10	2,20	4,03	6,44
Артиллерия	73,88	12,03	1,10	2,34	10,65
Инженерные войска	65,82	15,41	1,32	2,70	14,75
Казачьи войска	40,13	12,15	2,99	5,57	39,15
Все рода войск	54,53	13,67	3,65	3,34	24,81

* Подсчет автора по: [9. С. 229]. Терминология источника сохранена.

Подавляющее большинство офицерства РИА в целом относилось к привилегированным сословиям и имущим классам – потомственному дворянству, потомственным почетным гражданам, т.е. наиболее привилегированному и богатому слою купечества, духовенству и «простому» купечеству. Выходцы из бывших податных сословий (крестьяне, мещане и т.д.) составляли менее четверти офицерского корпуса российской армии. Следует отметить, что и часть лиц, происходивших из среды бывших податных сословий, также являлась выходцами из имущих (но непривилегированных) семей, поскольку после 1861 г. часть крестьянства и мещанства в России обуржуазилась, и логичным будет представить, что главным образом буржуазная часть представителей бывших податных сословий экспортировала своих сыновей в РИА в качестве офицеров. Высокую лояльность офицеров следует объяснить в первую очередь тем, что они происходили в основном из привилегированных сословий и / или имущих классов. Проявляя высокую лояльность по отношению к Российской империи и ее политике в условиях войн, офицеры РИА защищали общественную систе-

му, внутри которой они реализовывали свои жизненные шансы, основанные на принадлежности к этим сословиям и классам. Положение лишь отчасти изменилось в ходе Первой мировой войны в связи с тем, что была выбита значительная часть кадрового офицерского корпуса и командные должности (главным образом, обер-офицерского уровня) стали в значительной мере замещаться выходцами из непривилегированных слоев.

В противоположность командному составу нижние чины РИА почти полностью происходили из «податного и казачьего сословий»: в пехоте таковые составляли 98,65%, в артиллерии – 98,61, кавалерии – 98,69, инженерных войсках – 98,09, в казачьих войсках – 99,88, а во всех родах войск совокупно – 98,55%¹. Нижние чины до поступления на службу относились к социально-профессиональным группам, предполагавшим невысокий уровень достатка (табл. 8).

Таблица 8. Распределение нижних чинов РИА в 1912 г. по родам занятий до поступления на службу, %*

Род войск	Земледельцы	Ремесленники и мастеровые	Чернорабочие	Фабричные и заводские
Пехота	62,51	14,78	11,25	3,54
Кавалерия	58,46	17,93	9,99	2,80
Артиллерия	62,03	15,71	11,90	2,65
Инженерные войска	27,01	43,67	6,80	7,68
Казачьи войска	95,85	1,10	0,43	0,03

* Подсчет автора по: [9. С. 375]. Опущены данные о незначительных по численности категориях – выходцах из рядов домашней прислуги, служивших в административных и общественных учреждениях, а также практиковавших «прочие занятия».

Вполне закономерно, что нижние чины РИА, исходя из непривилегированных сословий, неимущих и малоимущих слоев, на войнах, которые вела Российская империя, проявляли к ней значительно меньшую лояльность, чем представители офицерства. Исключением являются нижние чины казачьих войск, поскольку казачество было полупривилегированным сословием и по своему имущественному статусу заметно превосходило основную массу крестьянства.

Сословный характер организации и деятельности РИА проявлялся и в весьма разных условиях несения службы и быта офицеров и солдат. Об этом мы можем судить, в частности, по данным «Военно-статистического ежегодника армии за 1912 год» о заболеваемости офицеров и солдат. «Ежегодник» сообщает, что в 1912 г. из личного состава РИА заболели 28 409 офицеров, что составило 57,26% от всего офицерского корпуса РИА (с казачьими войсками) и 498 436 (37,7%) нижних чинов². Офицеры заболевали чаще, чем нижние чины, и это следует объяснить тем, что они были старше последних: офицерский корпус включал в себя лиц в основном в возрасте 20–70 лет, тогда как возраст основной массы нижних чинов колебался в диапазоне от 21 до 25 лет. Однако при этом выздоровело 97,74% заболевших офицеров и лишь 90,41% заболевших нижних чинов³. Такое заметное различие исхода болезней у офицеров и нижних чинов можно объяснить только тем, что заболевшие офицеры получали несравнимо более качественные медицинскую

¹ Подсчет автора по: [9. С. 373].

² Подсчет автора по [Там же. С. 26–27, 405].

³ Подсчет автора по [Там же. С. 405].

помощь и питание, чем нижние чины, что, безусловно, не могло не восприниматься как несправедливость и не вызывать законного недовольства последних и подрывать их лояльность командованию и в конечном счете Российской империи.

О различиях лояльности офицеров и нижних чинов РИА свидетельствует и статистика преступлений, совершенных ими. Согласно «Ежегоднику», в 1912 г. военными судами были осуждены за преступления всех типов 325 (0,66%) офицеров и 40 777 (3,08%) нижних чинов [9. С. 395, 398]. Это означает, что нижние чины были заметно больше недовольны существующими порядками в армии и стране, чем офицеры. О меньшем уровне лояльности нижних чинов говорят, на мой взгляд, и различия структуры преступлений, совершенных офицерами и нижними чинами. Так, 114, или 35,08% от числа осужденных офицеров, были осуждены за преступления дисциплинарного характера («нарушение воинского чинопочитания и подчиненности», «неявка в срок на службу», «превышение или бездействие власти», «нарушение воинского благочиния»), а 142 (43,69%) – за преступления имущественного характера («преступления при хранении имущества», «подлоги, мздоимство и лихоимство»). В отличие от этого 20 905 (51,27%) нижних чинов были осуждены за преступления дисциплинарного характера («нарушение воинского чинопочитания и подчиненности», «побеги и самовольная отлучка», «нарушение обязанностей службы во время караула и во время дежурства», «нарушение воинского благочиния»), тогда как 7 711 человек (18,91%)¹ – за преступления имущественного характера («противозаконное отчуждение и порча казенного оружия и имущества», «кража простая и со взломом»). Офицеры в большей степени совершали имущественные преступления, а нижние чины – дисциплинарные. Дисциплинарные преступления более непосредственно, чем имущественные, выступали как отрицание властных порядков.

Наконец, сословными различиями следует объяснить и то, что офицеры пехоты по лояльности заметно уступали кавалерийским и казачьим офицерам: командный состав пехотных частей был более плебейско-демократическим по своему происхождению.

Вторая детерминанта лояльности личного состава вооруженных сил Российской империи проявлялась двояко.

Во-первых, большое значение имело то, что разные рода войск несли тяготы войны в разной степени. Русско-японская и Первая мировая войны были крупными, продолжительными и интенсивными конфликтами самого начала эпохи индустриальных войн, и в силу этого военная деятельность предполагала огромную физическую нагрузку, а также соответствующие тяготы и лишения. Личный состав кавалерии и артиллерии в силу использования конского состава как тягловой силы испытывал заметно меньший объем нагрузок, чем личный состав пехоты и инженерных войск. И это, разумеется, не могло не модифицировать лояльность этих родов войск соответствующим образом, т.е. создавать предпосылки для большего недовольства у пехотинцев и инженерных войск. И в первую очередь это касалось нижних чинов, которым приходилось перемещаться пешком, тащить на себе всевозможные военные грузы, рыть окопы и т.д.

¹ Подсчет автора по: [Там же].

Во-вторых, разные рода войск предполагали разные типы военной деятельности и разные уровни квалификации военного труда. Самым высокотехнологичным (и самым важным) родом войск в начале XX в. была артиллерия, в особенности тяжелая. Артиллерия была основана на применении наиболее сложных вооружений, наиболее изощренных технических устройств из всех использовавшихся в армии. Деятельность артиллериста была основана на более глубоком преобразовании природных процессов социальными и, следовательно, предполагала использование более рационального знания, чем то было характерно для деятельности кавалериста и пехотинца. В связи с этим артиллерия, с одной стороны, аккумулировала наиболее образованных и интеллектуально развитых офицеров армии, с другой стороны, практика службы в артиллерии в большей степени, чем в других родах войск, способствовала интеллектуальному развитию как офицеров, так и нижних чинов¹. В эпоху Второй мировой войны самым высокотехнологичным родом войск станет авиация, которая в 1914–1918 гг. только зарождалась².

Более высокий интеллектуальный уровень личного состава артиллерии порождал в среднем и типическом случаях более рациональное и трезвое понимание происходящего и более критическое отношение к находящейся в глубоком общественно-политическом кризисе Российской империи и ведущимся ею войнам, чем у представителей других родов войск. Это вполне закономерно детерминировало относительно невысокий уровень лояльности артиллеристов³.

¹ Правоту положения о связи службы в артиллерии и высокого уровня интеллектуального развития (в условиях начала XX в.) мы можем подтвердить с помощью анализа данных исследования В.К. Соколова, приведенных в книге И.Н. Шпильрейна, Д.И. Рейтунбарга и Г.О. Нецкого [17. С. 187–190]. Это исследование было проведено в начале 1920-х гг. в Ташкентской военной школе им. В.И. Ленина. Оно заключалось в выяснении того, насколько правильно курсанты разных военных специальностей определяли понятия, связанные с общей культурой и общественно-политической сферой. Объектом исследования стали четыре группы курсантов, каждая из которых подразделялась на артиллеристов, кавалеристов и пехотинцев. Каждой из групп задавались вопросы о значении 50 терминов, причем список терминов был различен. Ответ каждой группы курсантов определенной специальности оценивался в коэффициентах верного знания понятий. Наш подсчет по данным В.К. Соколова показывает, что этот коэффициент у артиллеристов четырех групп был равен 77,23, 75,89, 74,81 и 75,31, у кавалеристов – 72,98, 75,66, 73,2 и 70,68, у пехотинцев – 68,99, 68,35, 67,02 и 65,84, т.е. артиллеристы во всех случаях добивались лучших результатов, чем кавалеристы и пехотинцы. Учитывая, что объем культурной и политической подготовки курсантов трех военных специальностей был одинаковым, на мой взгляд, следует и в этом случае сделать вывод о том, что артиллеристы по уровню интеллектуального развития превосходили кавалеристов и пехотинцев.

² Если говорить о вооруженных силах государства совокупно, то весьма сложной и в высокой степени предполагающей использование рационального знания была деятельность по управлению войсками государства в целом, чем занимался Генеральный штаб. В силу этого вышесказанное следует уточнить: самыми интеллектуально развитыми офицерами эпохи Первой мировой войны в среднем и типическом случаях были генштабисты и артиллеристы, в эпоху Второй мировой – генштабисты и летчики. Но в силу специфики своего рода деятельности офицеры генеральных штабов в основном находились за боевыми порядками и почти не несли боевых потерь, поэтому в настоящем исследовании офицеры службы Генштаба РИА рассмотрены быть не могут.

³ Н.Н. Головин полагал, что высокая доля попавших в плен артиллеристов РИА в ходе Первой мировой войны объяснялась сдачей крепостей Новогеоргиевска (Модлина) и Ковно, гарнизон которых включал в себя значительное количество артиллерийских частей [22. С. 534]. Распространена точка зрения – ее, видимо придерживался и Н.Н. Головин, – согласно которой вина за капитуляцию этих цитаделей возлагалась на малодушие их комендантов. Однако в случае высокого боевого духа офицеров и солдат это не стало бы помехой для продолжения обороны.

Наличие этого кризиса было очевидным и для наиболее умных представителей разных родов войск, но артиллеристы осознавали его наиболее более четко. А.И. Деникин, являвшийся артиллеристом по своей первоначальной военной специальности и начавший свою карьеру со службы в бригаде полевой артиллерии, писал: «Неизбежный исторический процесс, завершившийся февральской революцией, привел к крушению русской государственности. Но если философы, историки, социологи, изучая течение русской жизни, могли предвидеть грядущие потрясения, никто не ожидал, что народная стихия с такой легкостью и быстротой сметет все те устои, на которых покоилась жизнь: верховную власть и правящие классы – без всякой борьбы ушедшие в сторону; интеллигенцию – одаренную, но слабую, беспочвенную, безвольную, вначале среди беспощадной борьбы сопротивлявшуюся одними словами, потом покорно подставившую шею под нож победителей; наконец – сильную, с огромным историческим прошлым, десятиллионную армию, развалившуюся в течение 3–4 месяцев» [12. С. 4]. Невысокий уровень лояльности личного состава самого многочисленного рода войск, пехоты, и самого важного в начале XX в. рода войск, артиллерии, создавал угрозы для выживания Российской империи (и Белого движения как ее наследника), которые в полной мере реализовались в 1917 г. (и в ходе Гражданской войны в России).

Лояльность вооруженных сил основных стран-участниц Первой мировой войны

Рассмотрим лояльность вооруженных сил основных стран-участниц Первой мировой войны для того, чтобы сопоставить ее с лояльностью войск Российской империи (табл. 9). Страны ранжированы по значению индикатора лояльности их войск (в порядке убывания).

*Таблица 9. Структура боевых потерь и индикатор лояльности вооруженных сил основных стран-участниц Первой мировой войны**

Страна	Демографические потери (убитые и умершие от ран и болезней), тыс. чел.	Санитарные потери (раненые и контуженные), тыс. чел.	Попавшие в плен, тыс. чел.	Индикатор лояльности
Франция	1 397,8	2 800,0	504,0	1,27
Германия	2 350	4 510,0	1 000,0	1,25
Великобритания	908,4	2 035,9	358,8	1,23
Италия	381,0	800,0	500,0	0,91
Австро-Венгрия	1 100,0	1 980,0	1 800,0	0,82
Турция	250,0	763,7	479,6	0,82

* Составлено и подсчитано автором по: [23. С. 106].

Как следует из табл. 5, основные участники Первой мировой войны в соответствии с различием в значениях индикатора лояльности их вооруженных сил могут быть условно разделены на две группы – страны с высокой лояльностью вооруженных сил (Франция, Германия и Великобритания) и страны с низкой лояльностью вооруженных сил (Италия, Россия, Австро-Венгрия и Турция). Российская, Австро-Венгерская и Османская империи распались в результате Первой мировой войны, и одним из важных факторов их распада, очевидно, следует считать низкий уровень лояльности их войск. Для Австро-Венгрии и Османской империи роковыми оказались внутренние

национальные (и религиозные) противоречия, которые, среди прочего, определили и невысокий уровень лояльности их армий. Германская империя также потерпела крах, но это было обусловлено военными поражениями и истощением ресурсов страны в результате потерь и блокады, но не нелояльностью армии – немецкая армия в основном была верна своему государству, империи Гогенцоллернов до конца. Италия сохранилась как государство, но в ней произошло коренное преобразование политического строя (при сохранении монархии) – в 1922 г. к власти пришли фашисты во главе с Б. Муссолини.

Ключом к объяснению разного уровня лояльности вооруженных сил России и ведущих западноевропейских держав может послужить анализ М. Вебера. Немецкий социальный теоретик в своей работе «Социализм» (1918) предложил объяснение различия отношения армий России и Германии к идеям социализма. В обеих армиях солдатский состав формировался в основном из крестьян. Но, как полагал Вебер, немецкие крестьяне существенно отличаются от крестьян России, поскольку общинный строй в Германии исчез давным-давно и немецкие крестьяне являются полноценными частными собственниками. Он писал: «Кроме того, необходимо учитывать, что западноевропейский крестьянин устроен иначе, нежели крестьянин русский, который живет при своем аграрном коммунизме. В России определяющим моментом является земельный вопрос, который у нас вообще не играет роли. Немецкий крестьянин... сегодня – индивидуалист, зависящий от своей собственности, передаваемой по наследству, и от своей земли. Его вряд ли можно заставить от всего этого отказаться. Гораздо вероятнее, что немецкий крестьянин станет союзником крупного землевладельца, чем радикально-социалистического рабочего, если ощутит, что рабочий угрожает отнять у него собственность и землю» [30. S. 516]. В связи с этим, как считал Вебер, немецкий крестьянин резко отрицательно относится к идее диктатуры пролетариата и обобществления средств производства. Развивая свою мысль, он предлагает объяснение низкой популярности социалистических идей в среде рядовых солдат германской армии. Он замечает, что Л.Д. Троцкий рассчитывал на переговоры в Брест-Литовске в 1918 г. вести коммунистическую пропаганду, обращенную к населению центральных держав и с ее помощью «вызвать гражданскую войну в Германии, но при этом он был настолько плохо информирован, что не знал, что немецкая армия рекрутируется, по меньшей мере на две трети, из сельских жителей и еще на добрую одну шестую из мелких буржуа, которым доставило бы истинное удовольствие дать разок в морду (*eins auf den Mund zu geben*) рабочим или кому-либо еще, кто хотел бы устроить революцию» [ibid. S. 515]. Анализ М. Вебера позволяет понять причины того, что в РИА солдат и офицеров, нелояльных по отношению к Российской империи, было намного больше, чем абсолютных лоялистов, тогда как в рядах немецкой армии лояльность по отношению к Германской империи доминировала над нелояльностью.

Позицию М. Вебера дополняют оценки А.И. Деникина, данные им в 1929 г. армиям Австро-Венгрии, Германии и России периода Первой мировой войны: «Австрийская армия – представительница лоскутной государственности – с первым веянием революции разложилась сразу и окончательно. Русская – раскачивалась в течение года, то втыкая штыки в землю, то делая сла-

бые и разрозненные попытки сопротивления. Немецкая – сильно поколебалась, восприняв от русской «революционную дисциплину», но скоро одумалась. Видеть во всех этих явлениях только лишь следствие военных систем не приходится. Истоки этих явлений заложены глубоко – в недрах жизни и в духовном облике народов» [31. С. 132]. Как видим, при всем различии предлагаемых объяснений, подходы немецкого социального теоретика и русского генерала к анализу разных уровней лояльности армий стран – участниц Первой мировой войны были весьма близки.

Заключение

В настоящей статье была предпринята попытка исследования лояльности вооруженных сил Российской империи во время русско-японской и Первой мировой войн с учетом различий, с одной стороны, между офицерами и нижними чинами, с другой – между разными родами войск. Различия в лояльности разных групп офицеров и солдат Российской императорской армии государству, на взгляд автора, следует объяснить, с одной стороны, их социальным (сословным и классовым) происхождением, с другой – спецификой рода войск. Не претендуя на окончательность результатов своего исследования, следует подчеркнуть, что анализ лояльности вооруженных сил имеет большое значение, поскольку позволяет понять многие аспекты участия Российской империи в Русско-японской и Первой мировой войнах, а также события Февральской и Октябрьской революций и последовавшей за ними гражданской войны в России. Предложенный в статье метод исследования лояльности вооруженных сил по отношению к их государствам может быть применен к воюющим армиям любой страны мира конца XIX – начала XX в., а с определенной модификацией – и более позднего времени.

Литература

1. *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. Tübingen : Mohr, 1980.
2. *Поснов М.Э.* Гностицизм II века и победа христианской церкви над ним. Брюссель : Жизнь с богом, 1991.
3. *Школа Валентина.* Фрагменты и свидетельства / пер., предисл. и ком. Е.В. Афонасина. СПб. : Алетей, 2002.
4. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ Москва, Хранитель, 2006.
5. *Сунь-Цзы, У-Цзы.* Трактаты о военном искусстве. М. ; СПб. : Terra Fantastica, 2003.
6. *Клаузевиц К.* О войне. М. : Логос-Наука, 1998.
7. *Военно-статистический* ежегодник армии за 1910 год. СПб. : Военная типография (в здании Главного Штаба), 1911.
8. *Военно-статистический* ежегодник армии за 1911 год. Изд. Главного штаба. СПб. : Военная тип. Императрицы Екатерины Великой, 1913.
9. *Военно-статистический* ежегодник армии за 1912 год. Изд. Главного штаба. СПб. : Военная тип. Императрицы Екатерины Великой, 1914.
10. *Режепо П.А.* Статистика генералов. СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1903.
11. *Режепо П.А.* Статистика полковников. СПб. : Столичная тип. С.Х. Золотухина, 1905.
12. *Режепо П.А.* Офицерский вопрос. СПб. : Русская скоропечатня, 1909.
13. *Оберучев К.М.* Наши военные вожди. М. : Тип. «Труд», 1909.
14. *Оберучев К.М.* Наши командиры (опыт статистического исследования служебного движения офицеров). Киев : Тип. Р.К. Лубковского, 1910.
15. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Минск : Харвест, 2002. Т. 1.

16. *Оберучев К.М.* Офицеры в Русской революции. Нью-Йорк : Первое русское изд-во в Америке, 1918.
17. *Штильрейн И.Н., Рейтлинберг Д.И., Нецкий Г.О.* Язык красноармейца. Опыт исследования словаря красноармейца Московского гарнизона. М. ; Л. : Госиздат, 1928.
18. *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М. : Мысль, 1973.
19. *Дирвянкин С.М.* Моральный дух офицеров Российской армии и его укрепление: исторический опыт, уроки: 1900 – август 1914 г. : дис. ... канд. ист. наук. М. : 2006.
20. *Военно-историческая антропология* : ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М. : РОССПЭН, 2002.
21. *Военно-историческая антропология* : ежегодник, 2005/06. Актуальные проблемы изучения. М. : РОССПЭН, 2006.
22. *Головин Н.* Наука о войне. М. : Астрель, 2008.
23. *Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование* / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М. : Олма-Пресс, 2001.
24. *Козловский Н.И.* Статистические данные о потерях русской армии от болезней и ранений в войну с Японией 1904–1905 гг. СПб. : Тип. Главного управления уделов, 1911.
25. *Война с Японией 1904–1905 гг. Санитарно-статистический очерк* / сост. Санитарно-статистической частью Главного военно-санитарного управления при непосредственном участии и под руководством Н. Козловского. Петроград : Военная тип. Императрицы Екатерины Великой, 1914.
26. *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М. : Вагриус, 2003.
27. *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства. М. : Академический проект, Кучково поле, 2002.
28. *Макаров Ю.В.* Моя служба в Старой Гвардии. 1905–1917. Мирное время и война. Буэнос-Айрес : Доррего, 1951.
29. *Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах)*. М. : Центральное стат. управление, 1925.
30. *Weber M.* Der Sozialismus. Rede zur allgemeinen Orientierung von österreichischen Offizieren in Wien 1918 // Max Weber: Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik / Hrsg. von M. Weber. Tübingen, 1988.
31. *Деникин А.И.* Старая армия. Офицеры. М. : Айрис Пресс, 2005.

Azat B. Rakhmanov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: azrakhmanov@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 162–183.

DOI: 10.17223/1998863X/52/16

LOYALTY OF THE ARMED FORCES AND ITS EMPIRICAL RESEARCH: THE RUSSO-JAPANESE WAR AND WORLD WAR I

Keywords: loyalty of armed forces; Imperial Russian Army; Russo-Japanese War; World War I; Max Weber; Gnosticism.

An important factor of combat effectiveness of any army is its morale, which is largely based on its loyalty to the relevant state (government) and social order. The article raises the problem of an objective study of the loyalty of the armed forces during wartime. The main object of analysis is the Russian Imperial Army during the Russo-Japanese and the First World Wars. The author proposes to explore the loyalty of the armed forces using the appropriate indicator. Its values are calculated on the basis of empirical data on various types of combat casualties (killed, wounded and taken prisoner). The differences in loyalty of different types of troops (infantry, cavalry, artillery, engineering and Cossack troops, as well as border guards), on the one hand, are analyzed, and the loyalty of officers and soldiers of lower ranks in the army of the Russian Empire, on the other. In terms of loyalty to the state during the Russo-Japanese and the First World Wars, officers of the Russian Imperial Army, as a rule, outstripped the lower ranks. The greater level of loyalty of officers during the Russo-Japanese War, in particular, is indicated by differences in the nature of injuries received by officers and lower ranks on the battlefield, as well as by differences in the causes of their injuries. In the course of the Russo-Japanese War, officers of the border guard, engineering troops and cavalry, as well as lower ranks of cavalry, demonstrated the most loyalty, and the officers of artillery and the lower ranks of the engineering troops and artillery the least. During the First World War, officers of Cossack troops, border

guards and cavalry showed the greatest loyalty; and the loyalty level of officers of artillery, engineering troops and infantry was noticeably behind. Differences in loyalty of different contingent categories were due to the social origin of the officers and the lower ranks, as well as the type of military activity characteristic of different types of troops. There were noticeable differences in the degrees of loyalty of the troops of the Russian Empire and Japan, as well as of the armed forces of the main countries participating in the First World War. These differences were among the factors that determined the outcomes of the Russo-Japanese and the First World Wars.

References

1. Weber, M. (1980) *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*. Tübingen: Mohr.
2. Posnov, M.E. (1991) *Gnostitsizm II veka i pobeda khristianskoy tserkvi nad nim* [Gnosticism of the second century AD and the victory of the Christian church over it]. Brussels: Zhizn' s bogom.
3. Valentinus et al. (2002) *Shkola Valentina. Fragmenty i svidetel'stva* [The Valentinus' school. Fragments and evidence]. Translated from ancient Greek by E.V. Afonasin. St. Petersburg: Aleteyya.
4. Merton, R. (2006) *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social theory and social structure]. Translated from English. Moscow: AST.
5. Sun Tzu, W. (2003) *Traktaty o voennom iskusstve* [Treatises on the Art of War]. Translated from Chinese. Moscow, St. Petersburg: Terra Fantastica.
6. Clausewitz, K. (1998) *O voyne* [On war]. Translated from German. Moscow: Logos-Nauka.
7. The General Staff of Russia. (1911) *Voенно-statisticheskiy ezhegodnik armii za 1910 god* [Military-statistical yearbook of the army for 1910]. St. Petersburg: Military Printing House of Empress Catherine the Great.
8. The General Staff of Russia. (1913) *Voенно-statisticheskiy ezhegodnik armii za 1911 god* [Military-statistical yearbook of the army for 1911]. St. Petersburg: Military Printing House of Empress Catherine the Great.
9. The General Staff of Russia. (1914) *Voенно-statisticheskiy ezhegodnik armii za 1912 god. Izdanie Glavnogo shtaba* [Military statistical yearbook of the army for 1912. The Edition of the General Staff]. St. Petersburg: Military Printing House of Empress Catherine the Great.
10. Rezhepo, P.A. (1903) *Statistika generalov* [The Statistics of Generals]. St. Petersburg: Tipografiya Trenke i Fyusno.
11. Rezhepo, P.A. (1905) *Statistika polkovnikov* [The Statistics of Colonels]. St. Petersburg: S.H. Zolotukhin.
12. Rezhepo P.A. (1909) *Ofiterskiy vopros* [The Officer Problem]. St. Petersburg: Russkaya Skoropechatnya.
13. Oberuchev, K.M. (1909) *Nashi voennye vozhd'i* [Our military leaders]. Moscow: Trud.
14. Oberuchev, K.M. (1910) *Nashi komandiry (opyt statisticheskogo issledovaniya sluzhebnoy dvizheniya ofiserov)* [Our commanders (An essay on the statistical study of officers' careers)]. Kiev: R.K. Lubkovsky.
15. Denikin, A.I. (2002) *Ocherki russkoy smuty* [Essays on the Russian Troubles]. Vol. 1. Minsk: Kharvest.
16. Oberuchev, K.M. (1918) *Ofitsery v Russkoy revolyutsii* [The officers in the Russian revolution]. New York: Pervoe russkoe izdatel'stvo v Amerike.
17. Shpilrein, I.N., Reytnibarg, D.I. & Netsky, G.O. (1928) *Yazyk krasnoarmeytsa. Opyt issledovaniya slovarya krasnoarmeytsa Moskovskogo garnizona* [The language of the Red Army's soldier. The research of the idiolect of Red Army's soldier of Moscow garrison]. Moscow, Leningrad: Gosizdat.
18. Zayonchkovsky, P.A. (1973) *Samoderzhavie i russkaya armiya na rubezhe XIX–XX stoletiy* [The autocracy and the Russian army at the turn of the 20th century]. Moscow: Mysl'.
19. Dirivyankin, S.M. (2006) *Moral'nyy dukh ofitserov Rossiyskoy armii i ego ukreplenie: istoricheskiy opyt, uroki: 1900 – avgust 1914 g.* [The morale of the Russian officers and its strengthening: historical experience, lessons: 1900 – August 1914]. History Dr. Diss. Moscow.
20. Senyavskaya, E.S. (ed.) (2002) *Voенно-istoricheskaya antropologiya 2002* [Military-historical Anthropology]. Moscow: ROSSPEN.
21. Senyavskaya, E.S. (ed.) (2006) *Voенно-istoricheskaya antropologiya 2005/06. Aktual'nye problemy izucheniya* [Military-historical anthropology. 2005/06. Topical problems of study]. Moscow: ROSSPEN.
22. Golovin, N. (2008) *Nauka o voyne* [The science of war]. Moscow: Astrel'.

23. Krivosheev, G.F. (ed.) (2001) *Rossiya i SSSR v voynakh XX veka. Poteri vooruzhennykh sil. Statisticheskoe issledovanie* [Russia and the USSR in the wars of the 20th century. The loss of armed forces. Statistical research]. Moscow: Olma-Press.

24. Kozlovsky, N.I. (1911) *Statisticheskie dannye o poteryakh russkoy armii ot bolezney i raneniy v voynu s Yaponiey 1904–1905 gg.* [Statistical data on the losses of the Russian army from illnesses and wounds during the war against Japan in 1904–1905]. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov.

25. Kozlovsky, N.I. (ed.) (1914) *Voyna s Yaponiey 1904–1905 gg. Sanitarno-statisticheskiy ocherk* [The war against Japan, 1904–1905 Sanitary-statistical essay]. Petrograd: Military Printing House of Empress Catherine the Great.

26. Denikin, A.I. (2003) *Put' russkogo ofitsera* [The Career of a Russian Officer]. Moscow: Vagrius.

27. Svechin, A.A. (2002) *Evolyutsiya voennogo iskusstva* [The evolution of the art of war]. Moscow: Akademicheskii proekt, Kuchkovo pole.

28. Makarov, Yu.V. (1951) *Moya sluzhba v Staroy Gvardii. 1905–1917. Mirnoe vremya i vojna* [My service in the Old Guard. 1905–1917. Peacetime and war]. Buenos Aires: Dorrego.

29. The USSR Central Office of the Department of Military Statistics. (1914) *Rossiya v mirovoy voyne 1914–1918 goda (v tsifrakh)* [Russia in the World War of 1914–1918 (in numbers)]. Moscow: Central Statistical Bureau.

30. Weber, M. (1988) *Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik*. Tübingen: Mohr.

31. Denikin, A.I. (2005) *Staraya armiya. Ofitsery* [The Old Army. Officers]. Moscow: Ayris Press.